

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава восьмая

в которой я сообщаю обстоятельства свадьбы Шнырька, легкой лапой касаюсь своей драматической встречи с мамой Муми-тролля и под конец глубокомысленно завершаю свои мемуары

В десяти милях от берега мы заметили лодку, которая подавала сигналы бедствия.
– Это наверняка Самодержец! – воскликнул я. – Неужто там произошла революция? В такую-то рань? (Это не похоже на его подданных.)
– Революция? – переспросят Фредриксон и прибавил скорость. – Ох, не случилось бы чего с моим племянником!
– Как дела? – крикнула Мюмла-мама, едва мы притормозили у королевской лодки.
– Дела? – крикнул в ответ Самодержец. – Я хочу сказать, дела идут совсем не так, как надо. Вы немедленно должны вернуться на сушу.
– Наконец-то забытые кости потребовали отмщения, – угрожающе пробурчало привидение.
– Это все ваш маленький Шнырек натворил, – сообщил, отдуваясь, король и вскарабкался на борт. – Эй, кто-нибудь, позаботьтесь о лодке! Мы собственной персоной изволили отправиться за вами, потому что вовсе не надеемся на Наших подданных.
– Но при чем здесь Шнырек? – удивился Юксаре.
– Да при том, – сказал король, – что Мы очень любим свадьбы, но пустить семь тысяч клипдассов и злую тетку Хемулихи на королевский праздник Мы не можем никак!
– А кто собирается жениться? – заинтересовалась Мюмла-мама.
– Мы ведь уже изволили сказать! Шнырек! – отвечал Самодержец.
– Невероятно, – не поверил Фредриксон.
– Да, да, да, женится прямо сейчас! – нервно утверждал Самодержец. – На зверюшке Сос. Да прибавьте же вы скорости! Они влюбились друг в друга с первого взгляда, обменялись пуговицами, носились вдвоем как угорелые, дурачились, а потом послали своей тетке (хотя я слышал, что ее уже съели) и семи тысячам клипдассам телеграмму с приглашением на свадьбу. И Мы готовы проглотить Нашу собственную корону, если они не изгрызут и не перероют все королевство!
– Что? Тетку Хемулихи пригласили на свадьбу? – спросил я, потрясенный.
– Что-то вроде этого, – мрачно отвечал Самодержец. – Какая-то тетка, у которой только половина носа, и к тому же презлющая. Мы любим сюрпризы, но предпочитаем устраивать их сами.
Берег приближался...
На самой оконечности мыса стоял Шнырек, а рядом с ним – зверюшка Сос. "Морской оркестр" причалил. Фредриксон швырнул канаты нескольким подданным, которые явно любовались нами.
– Ну-ну! – сказал он.
– Извините! – воскликнул Шнырек. – Но я женился!
– А я вышла замуж! – прошептала Сое и поклонилась.
– Но ведь Мы велели вам подождать до обеда, – расстроился Самодержец. – Теперь веселая свадьба не получится!
– Извините, но мы никак не могли ждать так долго, – сказал Шнырек. – Мы так влюблены друг в друга!
– Ах, дорогие мои! – Мюмла-мама, всхлипывая, бросилась вниз по сходням. – Поздравляю! До чего же она хорошенькая, эта зверюшка Сос! Поздравьте их, деточки, они поженились.
Но тут Снифф прервал чтение мемуаров Муми-папы. Он резко поднялся и сказал:
– Стоп!
– Папа читает нам про свою юность, – с упреком сказал Муми-тролля.
– И про молодость моего папы, – подчеркнул Снифф с неожиданной важностью. – Я уже столько слышал про Шнырька, но ни слова про зверюшку Сос!
– Я забыл про нее, – пробормотал Муми-папа. – Она попала в мою книгу только теперь...
– Ты забыл про мою маменьку? – заорал Снифф.
Дверь отворилась, и в спальню заглянула Муми-мама.
– Вы не спите? – удивилась она. – Мне показалось, кто-то звал маму.
– Это я! – воскликнул Снифф и соскочил с кровати. – Подумать только! Твердят тебе все время про разных пап, пап, пап, а потом ты вдруг безо всякого предупреждения узнаешь, что у тебя и мама тоже есть!
– Так ведь это вполне естественно, – удивилась Муми-мама. – Насколько я понимаю, у тебя была прекрасная мама. А сколько у нее было пуговиц!
Снифф строго взглянул на Муми-маму:
– Правда?
– У нее имелось множество пуговичных коллекций. – И еще камни, ракушки, бусинки, все что угодно! Снифф задумался.
– Если уж разговор зашел о мамах, – сказал Снусмумрик, – так что же было у Юксаре с этой круглой Мюмлой? Выходит, и у меня была мама?
– Конечно, – отвечал Муми-папа. – И к тому же очень славненькая.
– Тогда, значит, и малышка Мю моя родственница? – удивленно воскликнул Снусмумрик.
– Ну ясное дело, ясное дело! – заулыбался папа. – Только не прерывай меня. Ведь это мои мемуары, а не справочник о родственниках!
– Можно ему читать дальше? – спросил Муми-тролля.
– Пусть читает, – разрешили Снифф и Снусмумрик.
– Спасибо! – с облегчением сказал папа и продолжал поучительное чтение.
Шнырек и Сос получали подарки целый день. Под конец банка из-под кофе переполнилась. Тогда молодожены принялись складывать пуговицы, камешки, ракушки, обивочные гвоздики и прочее (все не берусь перечислить) в одну кучу.
Шнырек держал Сос за лапки и был сам не свой от счастья.
– Ужасно приятно быть женатым, – сказал он.
– Возможно, – ответил Фредриксон. – Однако, послушай-ка, разве обязательно надо приглашать тетку Хемулихи? И клипдассов?
– Извините, но ведь они огорчатся, если им не придется погулять на свадьбе, – объяснил Шнырек.
– Да, но пригласить тетку, тетку! – закричал я.
– Знаешь что, – откровенно признался Шнырек, – я не так уж сильно по ней соскучился! Но извини меня! Меня мучает совесть. Ведь это я пожелал, чтобы кто-нибудь был так любезен и съел бы ее!
– Гм, – заметил Фредриксон. – В этом что-то есть.
В ожидании прибытия пакетбота на холмах и на берегу столпились подданные Самодержца. Его величество сидел под балдахином на троне, установленном на самом высоком холме, готовый подать знак Добровольному оркестру хемулей.
Шнырек и Сос сидели в свадебной лодке, сделанной в виде лебедя.
Все были очень взволнованы и обеспокоены, потому что весть о тетке Хемулихи и о ее нраве уже успела облететь всю страну. Кроме того, были серьезные основания бояться, что клипдассы погубят государство и объедят все деревья в парке Сюрпризов. Однако никто не сказал об этом ни слова новобрачным, которые безмятежно продолжали обмениваться пуговицами.
– Как ты думаешь, можно ее напугать и выгнать отсюда с помощью фосфора или просмоленных ниток? – спросило мое привидение, не прекращая вышивать черепа на грелке для чайника – подарке зверюшке Сос.
– Ее этим не проймешь, – мрачно сказал я.
– Она опять примется всех воспитывать, – предсказал Юксаре. – Она может даже запретить нам залечь в спячку, когда наступит зима, и заставит ходить на лыжах.
– А что значит ходить на лыжах? – спросила Мюмла.
– Передвигать ноги по замерзшим осадкам.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Еще чего не хватало! Какой ужас!

– Видно, все мы скоро умрем, – сказала малышка Мю.

В этот момент в толпе пронесся боязливый шепот – пакетбот приближался.

Добровольный оркестр хемулей грянул гимн "Да живет наш бестолковый народец", и свадебный лебедь отчалил от берега. Несколько мюмлят от волнения плюхнулись в море, туманная сирена завывала, а Юксаре потерял самообладание и убежал.

А мы увидели, что пакетбот пуст, и только тут сообразили, что семь тысяч клипдассов вряд ли могли на нем уместиться. С берега неслись возгласы, выражавшие одновременно облегчение и разочарование. Один-единственный маленький клипдасс спрыгнул на лебедя, который быстро развернулся и поплыл обратно к берегу.

– Так как же теперь быть? – спросил Самодержец. От нетерпения он не мог усидеть на троне и прибежал на берег. – Всего один маленький клипдасс?!

– Да это же наш старый знакомый! – воскликнул я. – И у него в лапках огромный пакет!

– Стало быть, ее все же съели, – сказал Фредриксон.

– Тихо! Тихо! Тихо! – крикнул король и покрутил ручку туманной сирены. – Дайте дорогу Клипдассу! Ведь он посол!

Толпа расступилась и дала дорогу новобранцам и Клипдассу, который застенчиво притрусил к нам и положил пакет на землю. Углы пакета были слегка обглоданы, но в целом он выглядел вполне прилично.

– Ну-ну-у? – спросил Самодержец.

– Тетка Хемулихи просила передать привет... – сказал Клипдасс и стал беспокойно шарить по карманам своего выходного костюмчика.

Все запрыгали от нетерпения.

– Да поторопись же ты, поторопись! – крикнул король.

Наконец Клипдасс достал скомканное письмо и с важным видом заявил:

– Тетка Хемулихи научила меня писать. Я знаю почти весь алфавит! Все буквы, кроме в, э, и, й! Она мне диктовала, а я писал. Вот что она говорит. – Клипдасс перевел дух и начал с трудом читать:

"Дороге дет!

С огромным сожалением, с чужим угрызением совести несполненного долга пишу тебе строчку. Я никак не могу прехнуть на ашу садыбу, но надеюсь, меня простят за такой отратительный поступок. Поверьте, я польщена, рада, что вы обо мне скучаете, я проплакала слезы от досады, что малыш Шнырек решил жениться. Не знаю, как выразить благодарность за то, что вы спасли меня, не дал Морре меня съесть, за то, что вы познакомили меня с очаровательным клипдассом. Должна признаться, что мне с клипдассом ужасно хорошо, даже садебные приемы не может выманить нас из дома. Мы целым днем играем осптательные игры, мечтаем о пользе для здоровья зме с быстрым скольжением по снегу. Чтобы хоть немного обрадовать вас, посылаю садебный подарок, надеюсь, он украсит кофейную банку Шнырька!

Шестьсот девяносто девять строк от клипдассо.

С благодарностью люблю.

Тетка Хемулиха.

На холмах все замерло.

– Что такое "отратительный"? – спросил я.

– Ясное дело – отвратительный, – отвечал Клипдасс.

– А тебе нравятся воспитательные игры? – осторожно спросил Фредриксон.

– Ужасно нравятся! – сказал Клипдасс.

Я сел, слегка ошарашенный.

– Будь добр, разверни пакет! – крикнул Шнырек. Клипдасс торжественно перегрыз веревочку, и все увидели фотографию тетки

Хемулихи в полный рост: тетка Хемулихи – королева клипдассов.

– А нос у нее вовсе не отъеден! – воскликнул Шнырек. – Как я счастлив! Вот здорово!

– Дорогой, взгляни на рамку, – сказала Сос.

Мы все взглянули и ахнули. Рамка была из настоящего испанского золота с розами из топазов и хризолитов по углам. А по внутреннему краю шла полоска из бриллиантов (обратная сторона была украшена простенькой бирюзой).

– Как ты думаешь, их можно отковырнуть? – поинтересовалась Сос.

– Конечно, можно! – восторженно крикнул Шнырек.

И как раз в эту минуту со стороны залива донесся громовой голос:

– Ну! Семьсот пещер в моей маленькой конуре! Я знаю себе жду утреннего кофе, а ни один из вас и не думает удружить старому Эдварду!

Прошло уже несколько дней с тех пор, как Муми-папа рассказал о свадьбе Шнырька. Папа сидел с семьей на веранде. Был ветреный сентябрьский вечер. Муми-мама сварила кофе, приготовила бутерброды с джемом и по-праздничному украсила дом.

– Ну так что же?.. – с интересом спросила она.

– Сегодня я закончил писать мемуары, – сказал папа. – Заключение будет записано в сорок пять минут седьмого. Я имею в виду последнюю фразу. И вы сами решите, понравится ли вам она.

– А там ничего не будет сказано о том, как ты бродяжничал с хатифнаттами? – спросил Снусмумрик.

– Нет, – ответил папа. – Понимаешь, это должна быть поучительная книга.

– Потому-то и надо было об этом написать! – воскликнул Снифф.

– Ш-ш-ш... – погрозила ему коготком Муми-мама. – А я появлюсь в этой книге? – И при этом ужасно покраснела.

Папа сделал три больших глотка из своего большого стакана с соком и ответил:

– Слушай меня внимательно, сынок, ведь в последнем отрывке рассказывается о том, как я нашел твою маму.

Тут он открыл черную тетрадь и стал читать.

Наступила осень, и серые дожди надолго заволокли остров Самодержца густым туманом.

Я был твердо уверен в том, что наш блистательный эксперимент с "Морским оркестром" был только началом большого путешествия в огромный мир. Однако вышло иначе. Это приключение оказалось вершиной нашей жизни, самым замечательным событием, но без продолжения.

По возвращении домой, когда суматоха, связанная со свадьбой Шнырька, улеглась, Фредриксон начал совершенствовать свое изобретение. Одно изменял, другое пристраивал, прилаживал, шлифовал, чистил, красил, и под конец "Морской оркестр" стал походить на нарядную гостиную.

Иногда Фредриксон устраивал прогулки с Самодержцем или Королевской Вольной колонией, но к обеду всегда возвращался. Я мечтал отправиться дальше, чахнул от тоски по большому миру, который ждал меня и никак не мог дожидаться. А дождь лил сильнее и сильнее, и все время находилась работа: то надо было чинить руль, электропроводку или канатный люк, то что-нибудь переделывать.

Пришло время штормов.

Дом Мюмлы-мамы сдуло ветром, а дочь ее, Мюмла, простудилась, оттого что спала на дворе. Дождь накапал и в кофейную банку Шнырька. У одного меня был нормальный дом с хорошей печкой. Что оставалось делать? Разумеется, все потерпевшие, измученные неудачники поселились у меня в доме. Теперь мы жили одной семьей и вели самую обыкновенную жизнь, а мне от этого становилось все скучнее и скучнее.

Не могу описать, как это скверно, когда твои друзья либо женятся, либо становятся королевскими изобретателями. Сегодня тыходишь в беспечную компанию любителей приключений, готовых отправиться в любой путь, как только наскучит оставаться на одном месте. Отправляйся, куда только захочешь, перед тобой карта всего мира... И вдруг... Путешествия перестают их интересовать! Им хочется жить в тепле! Они боятся дождя! Они начинают собирать вещи, которые некуда поместить! Они говорят только о разных пустяках... Ни на что серьезное они уже решиться не могут... Раньше они прилаживали парус, а теперь строгают полочки для фарфоровых безделушек. Ах, разве можно говорить об этом без слез!

Хуже всего было то, что домоседы заразили и меня своим оседлым настроением. Чем уютнее мне становилось сидеть с ними у камина, тем труднее было снова стать свободным и смелым, как морской орел. Вы понимаете меня, дорогие читатели? Я сидел взаперти, все помыслы мои были о свободе, а за окном бушевал шторм и лил дождь.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

В тот особенно важный вечер, о котором я сейчас расскажу, погода была прескверная. Крыша дрожала и скрипела, порывы юго-западного ветра рвали на части идущий из трубы дым, дождь сильно стучал по крыше веранды (я переделал капитанский мостик в веранду, пристроив к ней узорчатые перила).

– Мама! Ты считаешь нам вслух? – попросили малыши Мюмлы-мамы, лежа в кроватках.

– Конечно, считаю, – отвечала Мюмла-мама, – на чем мы остановились?

–...Полицейский... инспектор Твиге... медленно... подкрался... ближе! – отбарабанили малыши.

– Хорошо, – сказала им мама. – "Полицейский инспектор Твиге медленно подкрался ближе. Что это там блеснуло, дуло револьвера?

Полный холодной решимости нанести карающий удар, он скользнул дальше, остановился и снова начал продвигаться вперед"...

Я рассеянно слушал Мюмлу-мату, ведь этот рассказ я знал почти наизусть.

– А мне эта история нравится, – сказала привидение, вышивая на черном фланелевом мешочке для гвоздей скрещенные белые кости и поглядывая на часы.

Шнырек сидел у самого камина и держал Сос за лапку. Юксаре раскладывал пасьянс. Фредриксон лежал на животе и рассматривал картинки в книге "Путешествие по океану". В доме было тепло и уютно. Чем дольше я глядел на все это, тем беспокойнее становилось у меня на душе. По лапкам забегали мурашки. Дребезжащие оконные стекла то и дело облизывала морская пена.

– А каково плыть по морю в такую ночь... – сказал я.

– Восемь баллов. Если не больше, – подхватил Фредриксон и продолжал разглядывать волны на картинках.

– Пойду-ка гляну, какая погода, – пробормотал я и выскользнул за дверь. С минуту я стоял неподвижно и прислушивался.

Грозный шум волн наполнял мрак, окружавший меня. Я принял уши к голове и пошел навстречу ветру. Шторм, рыча, тут же набросился на меня, и я зажмурил глаза, чтобы не видеть неопределимо страшных сил, вырвавшихся на свободу осенней ночью. Лучше не думать о таких кошмарных вещах...

Впрочем, это был один из немногих случаев, когда я вовсе ни о чем не думал... Я знал лишь, что мне нужно спуститься к берегу, к ревущим волнам. Это было предчувствие. В жизни оно часто приводит к удивительным результатам.

Луна вышла из-за ночных туч, и в ее свете мокрый песок засиял, как металл. Волны с грохотом бились о берег, словно строй белых драконов, которые, выпустив когти, кидаются на препятствие, отступают со скрежетом назад, в темноту, и снова возвращаются.

Я и сейчас содрогаюсь от этих воспоминаний!

Что же заставило меня наперекор ночи и холоду (а для муми-тролля нет ничего хуже холода) блуждать в ту знаменательную ночь, в ту самую ночь, которая послала Муми-мату на наш остров? (Ах, игра свободного случая – что это за удивительная вещь!)

Уцепившись за дощечку, она плыла по волнам; ее то кидало, словно мяч, в залив, то уносило назад в море. Я ринулся на отмель и закричал изо всех сил:

– Я здесь!

Вот она появилась снова. Она выпустила доску из лапок, и ее несло на гребне волны прямо ко мне. Не моргая, смотрел я на приближающийся ко мне водяной вал. Через секунду потерпевшая была в моих объятиях, и мы беспомощно закружились в кипящем водовороте.

С неведомой мне ранее силой я крепко-накрепко уперся ногами в песчаное дно и выбрался на берег. Волны жадно хватили меня за хвост, а я упирался, боролся и наконец положил свою прекрасную ношу на берег, в безопасном, подальше от жестокого моря, месте. Ах, это было совсем не то, что спасти тетку Хемулихи! Ведь теперь это был муми-тролль, как и я сам, но еще красивее, чем я: маленький тролль женского рода, которого я спас!

Она села и запричитала:

– Где моя сумка? Спасите же мою сумку!

– Вы держите ее в своих лапках, – сказал я.

– Ах, так она при мне! – воскликнула она. – Какая радость...

Она тут же открыла ее и, порывшись, извлекла пудреницу.

– По-моему, морская вода испортила пудру, – огорченно сказала она.

– Не важно, вы и без нее прекрасны, – галантно заметил я.

Она взглянула на меня – о, это был неопределимый взгляд! – и сильно покраснела.

Позвольте мне остановиться на этом столь значительном рубеже моей бурной молодости, позвольте мне закончить свои мемуары на том, как Муми-мама – самая прекрасная из муми-троллей – вошла в мою жизнь! Она ласковым и понимающим взглядом посмотрела на все мои ребячества, и я стал вести себя здраво и разумно, и вместе с тем жизнь моя утратила очарование дикой свободы... Эта утрата, по-видимому, и засадила меня за мемуары.

Все, о чем я пишу, случилось ужасно давно, но теперь, когда я оживил в памяти эти события, мне кажется, что подобное могло бы произойти со мной снова, хотя уже на совершенно иной лад.

Я откладываю в сторону перо, которым писал свои мемуары, твердо уверенный в том, что прекрасная пора приключений наперекор всему не окончена – ведь это было бы довольно печально.

Пусть каждый достойный уважения муми-тролль задумается над моими переживаниями, моим мужеством, здравым смыслом, моими добродетелями, а возможно, и над моими глупостями (если он еще не принял решение набираться ума-разума на собственном опыте)...

На этом мемуары заканчиваются. Но за ними следует важный эпилог.

Переверните страницу!